

СЕРГЕЙ ИЛЬИЧЕВ

Генеральный директор

Сергей Ильич Ильичев

Генеральный директор

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9334568

Генеральный директор. Криминально-деловой роман/ С. Ильичев: ООО "Написано пером"; С-

Петербург; 2015

ISBN 978-5-00071-215-3

Аннотация

В сборнике «Генеральный директор» речь пойдет о героях, оказавшихся в водовороте событий в непростые девяностые годы. Показаны три судьбы: старый руководитель крупнейшего регионального предприятия и его преемник, с одной стороны, и из диаметрально противоположной социальной группы простой рабочий и его семья, с другой стороны. Герои сталкиваются с разными трудностями того времени, а точнее, наверное, каждый со своими. Не всем из них повезло. У кого-то судьба унесла здоровье, у кого-то – жизнь, а кому-то подарила лучик надежды.

Содержание

Генеральный директор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Ильичев

Генеральный директор

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© С. Ильичев, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Генеральный директор

Черная «Волга», похожая на огромного крокодила, пожирая дорогу, мчалась по вечерним улицам города. Шел дождь. Остатки осенних листьев липли к стеклу. Щетки дворников, как маятник часов-ходиков мерно смахивали со стекла дождевые капли и осенние листья. Включенная печка приятно грела ноги. На улице было промозгло и ветрено, как, впрочем, и должно быть поздней осенью. В такую погоду пешеходу не позавидуешь. Дорога от Комитета по инвестициям до здания управления предприятия «Трансмост» занимала обычно около двадцати минут.

Водитель Санек, разомлевший от тепла работающей печки, о чем-то начал рассказывать, шутить, но Николай Григорьевич не обращал на это ни малейшего внимания. После разговора с зампредом Загорским он был молчалив и задумчив. Садясь в машину, шеф не положил, как обычно, свой дипломат на заднее сидение, а вез на коленях, нервно барабана по нему пальцем. Видно у него был какой-то неприятный разговор. Шефа своего Санек знал хорошо и, поняв, что его нужно оставить в покое, затеянный было разговор тут же свернул, убавил музыку и сосредоточился на дороге, мерно покручивая баранку.

Вот и забор, отгораживающий здание управления и территорию двора, окошко охранника. Ворота поехали в сторону, и «Волга», въехав во двор, остановилась под навесом. Под навес въезжали только две служебные машины: генерального директора и главного инженера.

Машины главного инженера не было. Санек знал, что по четвергам он объезжает объекты, и, если генеральный не назначил совещание, главный после объезда объектов уедет домой.

Николай Григорьевич, не сказав ни слова, вышел из машины, и тяжело поднимаясь по ступенькам, скрылся за входной дверью.

Шефа Санек возил уже долго. Тогда, одиннадцать лет назад, Николай Григорьевич еще работал главным инженером треста «Спецтрансстрой».

Как-то его, Санька, молодого и лихого водителя Уазика, сосватал на персональную машину к Николаю Григорьевичу директор трестовской автобазы. Санек был на хорошем счету, и, рекомендуя его, директор базы сказал: «Парень не пьющий, не нытик, хороший, скромный, водит машину очень легко и уверенно, ездить с ним спокойно, но главное, он умеет держать язык за зубами». Потом, куда бы ни переводили Николая Григорьевича, он забирал Саньку с собой.

По шефу можно было сверять часы, он был абсолютно пунктуален и предсказуем, несмотря на любые заморочки.

Санек начал представлять себе, как шеф поднялся на третий этаж, прошел по полутемному коридору, вошел в приемную, забрал у секретарши Кати потолстевшую за полдня папку с документами и положил на рабочий стол, затем повесил в шкаф плащ-пальто, неторопливо сел в свое кресло и начал работу с содержимым папки. Вот Катя тихо зашла в кабинет, принесла Николаю Григорьевичу чашку крепкого чая с его любимым крекером и незаметно вышла.

Обычно шеф начинал работать с входящими документами, расписывая их директорам строительных управлений и управлений по эксплуатации, начальникам служб и отделов. Потом он приступал к изучению подготовленных исходящих документов, какие-то из них подписывая, а к каким-то, если в чем-то сомневался, аккуратно скрепкой прикреплял маленькую именную бумажку с резолюцией: «Морозову В.Н.: подойти к 11.00 по содержанию текста» /Н.Г. Крылов/, или что-нибудь в этом роде. Потом, отпив немного чая, шеф будет просматривать подготовленные на подпись бухгалтерские документы и опять несколько

бумаг он отложит в сторону, прикрепив бумажку с резолюцией: «Гл. бухг. Захаровой Е.В.: подойти к 10.30 для пояснений» /Н.Г. Крылов/. Потом подпишет несколько подготовленных приказов и писем, откорректирует свой календарь, добавив на какие-то дни встречи и совещания, допьет уже остывший чай, неспешно оденется, возьмет свой дипломат и выйдет из кабинета, дав Кате какие-то указания на завтрашнее утро. Катя тут же позвонит в комнату дежурных водителей и весело скажет: «Саш, заводи!»

Отвезу домой шефа, и свободен! Санек уже представил себе, как забежит в универсам, купит жене и детям что-то вкусненькое, ведь сегодня был день получки.

* * *

По пятницам, после рабочей недели, хотя и не всякий раз, Николай Григорьевич любил выезжать за город на базу отдыха предприятия. Хотя и имел он дачу – роскошный коттедж из красного кирпича рядом с городом, но бывал там нечасто.

База отдыха, принадлежавшая когда-то обкому партии, располагалась в восьмидесяти километрах от города в заказнике на берегу живописного Оленьего озера. Когда-то здесь любили гулять и областное партийное и комсомольское начальство, и парткомы, и комитеты комсомола предприятий. Устраивались знатные охоты, организовывались хорошие рыбалки, устраивались выездные совещания. Как правило, все эти мероприятия заканчивались разудалыми пьянками. Всякие большие люди туда наведывались, а сколько важных вопросов решалось за стопкой водки и куском молоденькой свежезажаренной парной кабанятинки или за рюмкой отборного коньяка с икоркой после классной сауны. Каких только изысканных блюд там не подавали... Эх, райское место. Потом, с концом перестройки, канули в Лету все парткомы, райкомы и обкомы. База отдыха оказалась никому не нужной и стала потихоньку приходить в запустение. И тут, вспомнив как-то о ней, вице-губернатор области распорядился передать базу на баланс еще тогдашнего «Трансмостстроя».

Николай Григорьевич, очень любящий эти места, принял базу без малейших колебаний.

Знал Санек, что была у шефа на этой базе пассия...

Однажды, когда Николай Григорьевич приехал со старым приятелем, чтобы побродить с ружьем по охотничьим угодьям, да потолковать о чем-то своем от глаз подальше, подошел к нему местный егерь Василь Михалыч, устроитель «царских охот», и воспользовавшись моментом, будучи наедине, попросил генерального за свою двоюродную сестру Веру, так мол и так, она у нас образованная, экономистом работала, техникум у нее закончен, а совхоз-то наш совсем развалился, как ей теперь одной дочку растить? Не любил Николай Григорьевич решать такие вопросы во время отдыха, не дал сразу ответа Михалычу. Потом, уже уезжая в город, все же сказал тогда егерю: «Пусть во вторник к двум часам дня подъедет ко мне, переговорим».

Вера Сергеевна в свои сорок лет не имела броской красоты, но была очень статна. У нее было худое лицо и необычайно выразительные слегка печальные серые глаза. Аккуратно уложенные светло-русые волосы... Несомненно, что-то в ней было классическое. Она чем-то напоминала, может быть, учительницу, может быть, барышню чеховских времен.

Сидя в приемной, Вера Сергеевна имела возможность минут десять понаблюдать за работой Кати. На Кате был строгий деловой костюм. Из-под жилета белела накрахмаленная блузка. Катя ловко управлялась то с многочисленными звонками, то с какими-то вопросами, задаваемыми заходившими в приемную чиновниками и посетителями, да еще между делом умудрялась печатать на компьютере какие-то документы, быстро стуча тонкими пальчиками по клавишам, притом совершенно не глядя в монитор. При ответах на многочисленные звонки голос Кати делался то строгим, то каким-то душевно-теплым. Вспомнила она,

насколько проще все было в приемной ее совхозного директора, и как по-домашнему можно было перекинуться парочкой словечек с пожилой секретаршей директора тетей Тоней. Вместо компьютера у тети Тони на столе стояла выдавшая виды печатная машинка. Там было все по-свойски, а здесь как-то все не так. Суетно как-то. Вере Сергеевне стало даже немного не по себе. Уж пожалела она было, что приехала на переговоры, почувствовав себя так робко в этой кипящей бурной жизнью приемной, видя суетящийся народ и расписанное по минутам время генерального директора... Ей вдруг захотелось уехать обратно в свою тихую деревеньку, да вот нужда. Так прижало безденежье. По телу пошел холодок. Сквозь эти мысли, как сквозь сон она вдруг услышала приветливый голос Кати: «Вера Сергеевна! Николай Григорьевич ждет Вас!» Робко и нерешительно вошла она в кабинет генерального. «Как будет, так и будет», – подумала она в последний момент.

«Проходите, присаживайтесь, Вера Сергеевна», – приветливо встретил ее Николай Григорьевич.

Вера Сергеевна, постоянно смущаясь и опуская глаза, рассказала ему все о себе. Как училась в техникуме от совхоза, как потом работала в плановом, и как мучительно угасал ее совхоз. Не хотелось ей только говорить о несложившейся семейной жизни. Но Николай Григорьевич об этом ее и не спрашивал.

Замужество Веры Сергеевны оказалось неудачным. Через два года после окончания техникума Вера вышла замуж за бригадира полеводов Федора. Поначалу вроде бы пошло все, как у людей. Но потом вдруг начала Вера замечать, как ее супруг все чаще стал пялить глаза на других девчонок. С рождением дочери Валюшки Вера не могла, как раньше, столько внимания уделять мужу, и Федор вовсе потерял от баб голову. Приезжали к ним в совхоз каждый год шефы с картонажной фабрики, и Федя, бросив Веру с маленькой дочкой, сбежал как кобелек, сорвавшийся с привязи, в город с какой-то смазливой девчонкой из этих шефов. Да так сбежал, что больше в деревне и не появлялся. Разыскивать его ради алиментов она не стала, посчитав для себя это унижительным занятием. Года через два по деревне прошли слухи, что девчонка та Федора бросила, а его самого нашли замерзшим по пьянке, где-то у женского общежития. Чего искал?...

Николай Григорьевич сразу же заметил в ней что-то природно-женственное. Нет, несомненно что-то в ней было... Проникся тогда Николай Григорьевич. На базе отдыха нужна была хозяйка, а попросту завхоз, что он Вере Сергеевне и предложил. Благодарная, она какое-то время даже не могла поверить в это. Вызвал генеральный к себе кадровика и велел быстрее оформить прием на работу.

База начала заметно меняться в лучшую сторону. Домики засияли свеженькой краской, заблестели намытыми окнами, дорожки были приведены в такое состояние, что любой городской парк бы позавидовал. Невесть откуда взялись декоративные кусты, которых и в городских-то парках видно не было. На небольшой пустошке, с которой никто не знал, что делать, появился теннисный корт. Берег озера и отмель, где из воды постоянно торчали острые камни, был посыпан мелким песком, а в том месте, где в озеро впадал ручей, появилась замечательная каменная терраса с буйными таинственными зарослями какого-то густого кустарника. Пройдешь по всей территории и ведь не найдешь ни соринки. Как-то уютно и хорошо стало здесь. Теперь и самого губернатора можно будет приглашать. Шеф был очень доволен базой.

Бумажные дела Вера Сергеевна знала хорошо и вела их по базе исправно.

Как-то раз, приехав порыбачить, Николай Григорьевич увидел хлопчущую по хозяйству Веру Сергеевну. «На это место в городе не найти было желающих, а тут так взялась, да такое чудо сотворила», – подумалось Николаю Григорьевичу. Подошел к ней и начал расспрашивать, как ей здесь работает, какие вопросы помочь решить, как дома? Вера Сергеевна, смущенная таким вниманием генерального, стала ему рассказывать. Вспыхнувший от

смущения на щеках румянец был похож на вечернюю зарю над лесным озером. Рассказала про дочку. Зовут ее Валюша в честь бабушки, учится в седьмом классе, очень старательная. «Старательная – в маму», – заметил Николай Григорьевич. «Я Вам так за все благодарна, так благодарна», – сказала Вера Сергеевна. Ее прекрасные глаза, ее смущенная улыбка и возникающие при этом тонкие складочки в уголках губ, в одно мгновение обдали Николая Григорьевича каким-то необъяснимо приятным, томным жаром. «Да что Вы, Вера Сергеевна, я очень рад, что смог помочь Вам».

* * *

Николай Григорьевич не раз стал ловить себя на мысли, что он довольно часто думает о Вере Сергеевне. Однажды, работая уединенно с бумагами, он взял в руки отчет по базе отдыха, подготовленный хозяйкой базы. Ее аккуратный учительский почерк вдруг вызвал у Николая Григорьевича какое-то необъяснимое томное волнение. Какое-то сладостное ощущение пробежало вдруг по всему телу. И как-то вдруг он подумал о дне рождения Веры Сергеевны. Мысли вмиг унесли Николая Григорьевича за облака. Он уже представлял, как подарит ей цветы, и ее красивое лицо от смущения станет таким милым... А главное, это будет замечательный повод поцеловать ее. О дне рождения тут же решил узнать, а чтобы ни у кого не возникло даже мысли, он запросил в кадрах личные дела всех работников базы отдыха, в том числе и Веры Сергеевны.

Семнадцатое октября... В этом году выпадает на четверг. До ее дня рождения оставалось полторы недели. Удивился даже, как вовремя узнал. Приехав в лучший областной универмаг, он решил собственноручно выбрать подарок. На ум ничего не шло. Побродив по магазину, он купил модный двухкассетный магнитофон и попросил красиво упаковать. Ко дню отъезда на базу Николай Григорьевич заказал роскошный букет роз.

Вот и четверг. Сегодня вечером никаких вопросов не было, все встречи были перенесены на вторую половину пятницы и на понедельник. Николай Григорьевич еще в среду велел Кате позвонить на базу отдыха, чтобы все подготовили к его завтрашнему приезду. Цветы и подарок уже лежали у Санька в «Волге».

Восемьдесят километров пути для Санька – пустяк! Меньше часа. Обычно по пути на базу шеф был разговорчив, но на этот раз больше молчал и все о чем-то думал. На его гладко выбритом лице алел свежий румянец. «Волнуется шеф, – подумал Санек. – Не губернатора ли ждет?» Не раз, когда шеф ездил на «раздолбоны» в областную администрацию, он волновался, но был не таким. Что-то здесь другое. «Ну да ладно не мое это дело», – решил Санек.

Вот и поворот с шоссе направо, дальше километра четыре через вековой сосновый лес и вот он – глухой зеленый забор. Санек мигнул фарами, ворота открылись, и он въехал на территорию базы.

На фоне вечернего неба с розоватыми облаками за лесом, что на другом берегу озера, садилось солнце. Озеро лежало спокойное, как огромный экран. Редкие лиственные деревья, растущие среди сосен, были покрыты необычайно сказочным разноцветьем осенних листьев. Вечер был теплый. Запоздалое бабье лето решило преподнести напоследок этот чудный подарок. Казалось, что сама природа перед зимним сном решила вдохнуть этот свежий, приятно пахнущий осенними листьями воздух и этим от души насладиться.

Из кухонного домика исходил аромат запеченной свежепойманной озерной сигаевой рыбы. Санек деловито открыл багажник и занес в апартаменты Николая Григорьевича два свертка. Намыв машину как следует и поставив ее в бокс, Санек удалился в свою келейку. Условия для него здесь были такие, что лучше и не придумать: цветной телевизор, музыкальный центр, кормежка «от пуза», роскошная постель, а если не мешаешь гостям, то можно и в сауне посидеть и в бассейне поплавать. С началом сумерек, Санек брал лодку и, отплыв

подальше от берега, удил рыбу. В отличие от других посетителей базы, у Санька был сухой закон, хотя он и так-то не любил ни водки, ни вина.

Приезжая, Николай Григорьевич обычно любил пройтись вдоль по берегу озера, остановиться у того места, где впадает в озеро ручей, посмотреть на заходящее солнце и подумать о чем-то своем. Так было и на этот раз. В ручье неторопливо плавали какие-то мелкие рыбки. Вытянувшись по течению, на поверхности колыхались редкие водоросли. Вот с отмели метнулась на глубину рыбешка, оставив бороздку на водной глади, а далеко, в зарослях рогоза сустились, негромко кряхтя, водоплавающие птицы перед отлетом на юг.

Любуясь озером, Николай Григорьевич слышал за спиной приближающиеся шаги. Почему-то вдруг бешено заколотилось сердце, и какая-то сладкая истома пробежала по всему телу, дойдя до самых кончиков пальцев. Николай Григорьевич оглянулся. Это была Вера Сергеевна. «Здравствуйте, Николай Григорьевич! – сказала она смущенно, и сводящий с ума румянец загорелся на ее щеках. – У нас сегодня приготовлена славная рыба, у Василь Михалыча сегодня были знатные трофеи!»

Уж что за собой генеральный никогда не наблюдал, но тут... язык перестал его слушаться и, вместо того, чтобы сказать «Добрый вечер, Вера Сергеевна, о рыбке я уж догадывался, как только еще с шоссе к вам свернул, ох уж аромат!», он сбивчиво пробормотал что-то невнятное. Поздороваться в ответ у него получилось лишь со второй попытки. Взяв себя в руки, он сказал: «Извините, я немного задумался, здесь так красиво и здорово». Потом, чуть поколебавшись, все же взял себя в руки и волнующимся голосом добавил: «Вера Сергеевна, минут через пятнадцать после ужина зайдите, пожалуйста, ко мне».

В апартаментах генерального были прихожая, рабочий кабинет и комната отдыха. В прихожей был небольшой гардероб, где аккуратно висела простая домашняя одежда, спортивные костюмы, комплект для сауны, одежда для охоты и рыбалки, пара деловых костюмов, несколько белых рубашек и галстуков. В общем, на все случаи жизни.

Супруга Николая Григорьевича, Нина Георгиевна, с внуками уехала отдыхать в Египет, да если бы и была дома, то она уже давно привыкла к его ненормированному рабочему дню, деловым встречам и мероприятиям. Она считала совершенно неэтичным вникать в его дела и никогда не бывала ни на базе, ни в управлении.

Николай Григорьевич не был падок до спиртного. Не любил вино и водку, если когда и пил пиво, то только чешское, при этом он любил подолгу смаковать его вкус и выпивал его совершенно мало под изысканную закуску. Очень обожал хорошие коньяки, но выпивал всегда в разумных пределах. Пьяным его никто никогда не видел. На глазах у Николая Григорьевича столько людей потеряли свои должности из-за неумения пить. Но тут уж кому и как дано.

Перебрав гардероб, Николай Григорьевич решил одеться в деловой темно-серый костюм с белоснежной рубашкой и роскошным, подобранным со вкусом еще сразу после пошива костюма галстуком. Плохо слушающимися от волнения руками, он поставил на стол магнитофон в подарочной упаковке. Развернул бумажную упаковку букета роз и едва успел выкинуть в корзину оберточную бумагу, как раздался робкий стук в дверь рабочего кабинета. Он открыл. На пороге стояла смущенная Вера Сергеевна. Пригласив в кабинет, Николай Григорьевич обратился к ней: «Дорогая Вера Серге..., нет, дорогая Вера, Верочка! Поздравляю Вас с днем рождения! Желаю всего, всего, всего... Спасибо Вам, Верочка, за все... – Он протянул ей роскошный букет и поцеловал ее в пылающую щеку. Потом протянул магнитофон. – А это тоже Вам». Вера Сергеевна смутилась еще больше. Дрожащими губами она прошептала: «Спасибо Вам, Николай Григорьевич... Спасибо Вам за все, за все. Мне никто в жизни не дарил таких цветов!» – Неуклюже потянулась к Николаю Григорьевичу, чтобы поцеловать и вдруг расплакалась.

«Вера Сергеевна, сегодня такой чудесный вечер, – сказал взявший себя в руки первым Николай Григорьевич. – Пойдемте немножко прогуляемся по берегу озера». Вера Сергеевна, совсем растерявшись было вначале, согласилась.

Это поздравление, эта прогулка по берегу озера теплым осенним вечером опьянила их обоих. Что-то произошло в сознании Веры Сергеевны, и она вдруг почувствовала, что стала совсем равнодушна к Николаю Григорьевичу. Она раньше все никак не могла понять себя, почему она, когда видела его, всегда так смущалась, но сейчас, в одно мгновение вдруг все поняла.

Генеральный стал часто приезжать на базу. Уж чего он недолюбливал, так это зимнюю рыбалку, а тут вдруг так пристрастился к ней.

Через неделю после восьмого марта Николай Григорьевич снова ехал на базу. Был повод, хоть и с опозданием, но сделать подарок Вере Сергеевне. Но главное, был повод снова поцеловать ее, ту, о которой он стал так много думать. Вот и вечер. Минуты томительного ожидания, знакомый стук в дверь. Пришла она вся взволнованная и смущенная. Подарок и такая долгожданная возможность снова поцеловать ее, Веру. Как когда-то в юности, при первом поцелуе, по всему телу пятидесятишестилетнего Николая Григорьевича пробежали тысячи искринок и достали до самых кончиков пальцев приятным покалыванием. Его руки нежно обвили Веру, он стал гладить ее волосы и поцеловал в губы. Вера не отпрянула, она положила руки на его плечи и слегка притянулась к нему. Затем Николай Григорьевич снова попытался поцеловать Веру в губы... и она, совершенно неожиданно для себя, ответила ему своим поцелуем. Николая Григорьевича словно током пробило. «Вера, Верочка, ты знаешь, сколько я думал о тебе...»

Сколько они так простояли в объятиях друг друга, полтора ли, два ли часа... Им было так хорошо! Очень хорошо. Истосковавшаяся по мужской ласке, да, скорее и не знавшая-то ее толком, Вера почувствовала себя вдруг на небесах. Какой же он славный! Благоухающий тонким парфюмом, симпатичный мужчина, от которого веяло силой, уверенностью и таким спокойствием. Красивое, волевое лицо с немного прибитым, как у Бельмондо носом боксера, слегка посеребренные, начинающие немного седеть волосы, такой гладко выбритый, аккуратный... Как же он хорош! Спустя мгновение с ними произошло то, что рано или поздно происходит со всеми влюбленными...

* * *

Вера каждую неделю ждала заветного звонка секретарши Кати. Готовя базу к приезду Николая Григорьевича, она ждала этот день, как праздник. Запоздалая любовь захватила ее. В ней проснулись такие чувства, каких она в своей жизни еще и не знала. «Пусть у него семья, – думала она, – но в эти выходные он снова мой, мой любимый. Наверное, так даже лучше. Пусть каждая нечастая встреча будет для нас настоящим праздником. Теперь есть ради чего жить!»

Односельчане завидовали Вере по-доброму. Соседка, тетя Саша, встретив ее вчера по дороге домой, сказала: «Верочка, ой как я за тебя рада, как хорошо, что ты нашла работу, ой повезло-то тебе. И достаток теперь, и мама рада, и Валюшка твоя, как игрушечка, одета, да и выглядишь ты теперь такой посвежевшей! Ой, как рада я за тебя, Верочка!» Не догадывалась тетя Саша, почему Вера так преобразилась и воспрянула. Вера умела скрывать свои чувства и не говорить лишнего.

* * *

Теперь по дороге на базу, шеф больше никогда не ездил в задумчивости. Он просил Саньку поставить какую-нибудь из кассет с его любимой музыкой и весело болтал всю дорогу. В багажнике «Волги» всегда лежали два свертка. Санек знал, что там цветы и какой-нибудь изысканный подарочек.

Шефа Санек хорошо изучил за годы работы с ним и о романе генерального с Верой Сергеевной догадался довольно быстро. Тут ведь такое дело, что любовь, что чих – их не скроешь. Но Санек держал язык за зубами крепко и никогда ни с кем шефа не обсуждал. Даже дома.

* * *

О романе Веры и Николая Григорьевича даже на базе вряд ли кто догадывался. Штат там был небольшой. Василий Михайлович, на все руки мастер, он же водитель базовского Уазика и на общественных началах местный егерь, повариха Евгения Ивановна – тетя Женя, четыре сторожа, да заведующая Вера Сергеевна.

На базе было еще несколько отдельных апартаментов для высоких гостей, комната для совещаний, сауна, оборудованный роскошной мебелью и очень уютный обеденный зал. Были также домики для персонала, водителей и гостей поменьше рангом.

В апартаменты генерального, когда он был на базе, никто не смел войти без его вызова, так что застать шефа с Верой врасплох было попросту невозможно. Кроме того, Вера никогда не оставалась на базе ночью. Хотя бывало и поздно, но она всегда возвращалась домой, благо, жила она километрах в полутора от базы и если не Михалыч, то Санек подвозил ее прямо к дому.

* * *

Николай Григорьевич разложил документы на столе, чтобы с ними поработать, однако мысли вились в голове, как пчелиный рой. Сегодняшнее совещание в областной администрации не было каким-то необычным. Его проводил недавно приступивший к своим обязанностям новый губернатор. По предприятию «Трансмост» нареканий не было, губернатор даже отметил, как важны для области объекты, которые «Трансмост» ведет, и особенно важна объездная транзитная дорога, ускоряющая грузопоток с востока на запад, и это чрезвычайно важно и для развития области, и для страны, и для иностранных партнеров. Давай, мол, Николай Григорьевич, строй, а если что, всегда тебе поможем, финансирование наращивать будем, глядишь, и дополнительных федеральных денег выйдем! А немного погоды из твоей конторы РАО сделаем! После совещания, как всегда, пошли с Александром Васильевичем Загорским переговорить с глазу на глаз. Вот этот-то разговор и испортил настроение...

Нехорошие мысли сверлили, как дрель. Что же за ненасытные они там такие? Говорят одно, а сами до нитки обобрали, все им мало да мало, последние соки скоро выжмут. Работать так, это же катастрофа для предприятия! А ведь еще и такие объекты отгрохать надо! Это же полная вешалка! А Василич только и талдычит: «Губернатор новый, ему надо связи с Москвой налаживать, да и областных депутатов ручными держать надо, а тут ведь сам понимаешь, Григорич, помочь надо, чтобы свои ребята и там и тут были. Не переживай, ведь слышал, что губернатор сказал, подкинет он тебе дополнительное финансирование». «Знаем мы эти финансирования», – подумал Николай Григорьевич.

* * *

Повезло, конечно, Николаю Григорьевичу с главным инженером. Как ни насилуют предприятие, а он умудряется не только строить на оставшиеся крохи, но и все графики выдерживать. Кудесник, да и только.

Игоря Петровича Сергеева генеральный знал еще со строительного института. Сергеев был двумя курсами старше, отличался хорошей успеваемостью. Как земляк, он частенько помогал более младшему студенту Коле Крылову в учебе, объясняя предметы так, как ни один преподаватель не мог объяснить. Постепенно проблемы в учебе у студента Крылова закончились, и он стал не только успевать сам, но и другим помогать в учебе.

Игорь Сергеев, защитив диплом с отличием, как ни сватали его в аспирантуру, все же уехал в родной город. Через два года, совсем чуть не дотянув до красного диплома, распределился в родной город и выпускник Николай Крылов. Распределили их в разные строительные тресты. Виделись они хоть и редко, но дружбу все же поддерживали, перезванивались. Сергеев был как ходячий справочник, и если у Крылова возникали какие-то проблемы по работе, Сергеев всегда готов был ему помочь. А вот карьеры их были непохожими. Быстро взлетев до начальника производственно-технического отдела сначала УНР, а потом и строительного треста «Мостодор», Игорь Петрович почему-то вдруг застопорился на этой должности. Может потому, что был беспартийным? Кто ж его знает. Николай Григорьевич, вступивший в партию еще на четвертом курсе института, по приезду в родной город тоже быстро начал карьерный рост. Неоценимым оказалось то, что ему пришлось побыть и мастером, и прорабом, и начальником участка. Поработав три года начальником производственного отдела треста, его избрали освобожденным секретарем парткома треста «Спецтрансстрой», через два года он уже работал главным инженером треста, затем еще четыре года работал заведомом в облисполкоме. Тогда он познакомился и подружился с заместителем заведующего отделом промышленности и строительства обкома партии, своим одногодкой Сашей Загорским. Поработав в облисполкоме, Николай Григорьевич Крылов был направлен, как тогда говорили, на хозяйственную работу генеральным директором крупнейшего в области строительного треста «Спецтрансстрой». В начале девяностых, соседний строительный трест «Мостодор» начал потихоньку разваливаться и Николаю Григорьевичу передали его для слияния. Так из двух предприятий было образовано одно с новым названием «Трансмост». Крылов, не задумываясь, взял к себе главным инженером Сергеева. Так они и стали работать вместе. С Петровичем работалось легко. В отличие от бывшего главного инженера-тюхи-матюхи, с которым пришлось расстаться, Петрович легко взял на себя все производственные вопросы и потащил их, как бульдозер. У Николая Григорьевича появилось больше возможностей для решения вопросов с финансами предприятия и на деловую часть времени стало тоже хватать. Так и поделили они между собой управление: Петрович строит и эксплуатирует, а шеф крутится между двух огней, поддерживая со всеми нужными людьми дружбу и занимаясь всеми остальными хозяйственными вопросами. У старых со студенческой скамьи друзей сложился идеальный тандем в работе.

* * *

Чай, принесенный Катей, не лез Николаю Григорьевичу в горло. Да, прессует их там новый губернатор по полной программе. Хочет показать себя таким хорошим со всех сторон и перед всеми, а с областных предприятий ради этого семь шкур дерет. Можно ли будет когда-нибудь по-человечески здесь работать? Чтоб он подавился, зараза такая! От обиды и откуда-то появившегося отчаяния Николая Григорьевича бросило в жар. Он судорожно осла-

бил галстук и расстегнул воротник рубашки. Бумаги, разложенные на столе, так и лежали нетронутыми.

Попробовал себя успокоить: во времена обкома не меньше прессовали, а какие раздолбоны устраивали, ничего, живы. Тебе ли, Григорич, привыкать?

Вдохновляла мысль, что завтра пятница, и он опять помчится к ней, его Вере, Верочке на базу. Там все будет согрето ее природной женственностью и неброской, но пьянящей красотой, там будет так уютно. После сауны и хорошего ужина, его будет ждать свежайшая постель, застеленная ее добрыми руками и она, такая прекрасная, его прелесть... Он представил ее нежные руки, готовые отвести от него все заботы и печали. Мечты немного отвлекли его. Представил, как сладко они уснут, влюбленные и счастливые. А на утро, едва проснувшись и проведя рукой по постели, он, как всегда, не найдет свою Верочку. Она уже успеет сбегать домой к маме и Валюшке и, вернувшись рано утром, уже всю будет хлопотать по базе.

Сладкие мечты ожидания немного отвлекли от неприятных мыслей. Как это замечательно. Какие все-таки счастливые люди эти влюбленные! А завтра все это наяву. Приготовленный для Верочки подарок уже лежал в сейфе. Сладкие мурашки пробежали по телу. Как же он благодарен судьбе за такое чудо! Вот, что значит его величество случай. Удружил мне Михалыч, попросив тогда за Веру!

«Сколько же я так сижу? Надо все же собраться. Сейчас разберусь с бумагами и домой... Опять вспомнился разговор с Загорским. Хотя и друг, а какой же хитрющий лис! Вот так всю жизнь. Паразит, все-то он делает чужими руками. Сам бы покрутился с мое, твою мать-то». Сердце уже долго ныло, а сейчас как-то совсем загло в груди. Боль пошла в левую руку. «Пожалуй, надо коньячку граммов сто принять», – подумал Николай Григорьевич. Не стало хватать воздуха. «Григорич, чего ты так занервничал, – сказал он сам себе, – а ну, хватит дергаться, возьми-ка себя в руки». Он встал, сделал шага три к шкафчику со стеклянными дверцами, где стоял графинчик с коньяком. Стал глубоко дышать, воздуха все равно не хватало, закружилась голова, все поплыло перед глазами, ноги сделались тяжелыми. Николай Григорьевич вдруг стал оседать на пол. Затем он как-то обмяк и повалился на бок.

* * *

Катя посматривала на часы. Обычно, приехав в конце рабочего дня, генеральный уходил минут через сорок, максимум час. Встречи и совещания в это время он назначал редко, сегодня ничего не планировалось, да и документов было сравнительно немного. Подождав больше часа, Катя, тихо постучав, заглянула в кабинет.

Санек схватил трубку, готовый везти шефа домой, но вместо задорного «Саш, заводи!», он услышал Катин почти истерический крик: «Николаю Григорьевичу плохо!» Всего несколько секунд, и Санек влетел в кабинет генерального. «Скорую вызвала?» – «Ой, нет еще», – пробормотала вконец растерявшаяся, чуть не плачущая Катя. Санек уже набирал 03....

Бригада скорой помощи приехала быстро. Осмотрев Николая Григорьевича и сделав ему несколько уколов, врач сказал, что увозит его в кардиологическое отделение областной больницы в реанимацию. Подозрение на инфаркт.

Санек крикнул Кате, чтобы она сообщила домой Нине Георгиевне, а сам помчался к машине и полетел к генеральному домой, готовый, если нужно, привезти кого-то из его домашних в больницу.

* * *

У Николая Григорьевича оказался обширный инфаркт, и процесс восстановления шел очень тяжело. После того, как он был переведен из реанимации в отдельную палату, первым из коллег к нему приехал Петрович. То, что из всех замов Петрович будет исполнять обязанности генерального, – это было однозначно. Говорили с глазу на глаз, и такой получился разговор, какого при всем доверии друг к другу и дружбы со студенческих времен еще не было, шеф немного приоткрыл Петровичу те свои дела, о которых главный инженер, даже будучи и правой рукой и другом, не знал. Еще Николай Григорьевич поведал ему, что думает оставить должность генерального. «Я переговорю в комитете, чтобы при любом раскладе ты оставался на своем месте. А на мое место, не доведи кому господь. Тебе, Петрович, как старому другу говорю. Теперь ты знаешь, почему».

* * *

Неспешно гуляя по аллеям некогда одного из лучших кавказских правительственных санаториев, Николай Григорьевич готовился к разговору с Загорским, а если будет надо, то и с вице-губернатором о своем уходе с должности.

В душе он всегда чувствовал себя настоящим мужиком, и ему очень не хотелось появиться перед подчиненными сломленным болезнью, резко постаревшим, страдающим появившейся одышкой и теперь уже постоянно сидящим на таблетках. Не хотел он больше и встреч с Верой. С его волевым характером не мог он перед ней показаться так резко сломленным болезнью.

Его сейчас вдохновлял только повод красиво выйти из игры по инвалидности. Николаю Григорьевичу было все больше не по себе от того, как областная администрация насильовала его предприятие, которое еще что-то пыталось строить и эксплуатировать только благодаря колоссальным усилиям его и Петровича. Гробить дальше предприятие своими руками было выше его сил.

Если возникнет вопрос о преемнике, он уже решил, что не предложит никого. На свою совесть такой грех он брать не хотел. Пусть сами ищут. Жаль будет того человека, который согласится.

Оставить должность Николай Григорьевич не боялся. Быть не у дел ему не грозило. Он был далеко не бедным человеком, а двое его взрослых сыновей успешно вели свой бизнес.

* * *

Вот и родной зимний город. Непривычно после южного курорта. Морозище-то не слабенкий.

О намерениях мужа оставить должность Нина Георгиевна знала и никаких мнений не высказывала. «Раз так ты, Коленька решил, значит так и нужно», – сказала она по этому поводу, ничего более не советуя.

Комитет по инвестициям. Кабинет с табличкой у двери «Заместитель председателя Загорский А.В.».

Александр Васильевич сам открыл дверь. Обнялись.

– Григорич, рад тебя видеть! Все думал, скорее бы ты вернулся, дел то сколько, ох и повоюем еще!

– Отвоевался я, похоже, Василич. Спокойное что-то нужно. Если еще так шарахнет, то больше просто не выживу.

– Да брось ты, Григорич! Смотри, молодцом-то каким держишься!

– Нет, Василич, я серьезно.

– Ну, если серьезно, тогда погоди чуток, – и он, подняв трубку местного телефона, сказал секретарше, что отменяет все совещания и никого из посетителей сегодня больше принимать не будет.

Налили коньяка.

– Да, Григорич, задаешь ты мне задачку, так все хорошо налажено было, я просто в шоке. Ей богу, под монастырь подводишь. – Загорский заметно побледнел, свое беспокойство, вызванное неожиданным для него решением своего старого, надежного приятеля Крылова, он просто не в состоянии был скрыть. – Но дело-то это наше общее и, сам понимаешь, непростое. Ты о преемнике-то как, подумал? Кто бы мог «Трансмост» возглавить?

– Непростой это вопрос, сам ведь знаешь, Василич. Желающие-то, может, и найдутся, да ведь тут надо все успевать, и строить, и остальные дела наши, понимаешь, делать. Эти задачи не каждый потянет.

– Григорич, ну а как твой главный инженер, Сергеев-то, на этот счет? Может быть он?

– Василич, на счет Сергеева я скажу тебе вот что: он на своем месте. Уж как вы нас не прессуете, он все-таки строит объездную. И два моста построил, и за очередной участок принялся. При всех проблемах, он тебе из любого дерьма конфетку сделает, выкрутится из любой удавки, но только производственной. Уж слишком правильный он мужик. Да и никакими бухгалтериями заниматься не любит. А лямку главного инженера он будет тянуть исправно. Лучше не найдете. Другой человек на мое место нужен, но предложить мне, Василич, некого.

Спустя неделю Николай Григорьевич с Загорским сидели в кабинете вице-губернатора. За огромным столом для совещаний сидела вся финансовая и строительная элита области. Был последний вопрос повестки дня. «Сегодня мы провожаем на другую работу нашего многоуважаемого Николая Григорьевича Крылова, – начал вице-губернатор. – Спасибо Вам, Николай Григорьевич, за ваш многолетний труд, хочу Вам вручить почетную грамоту и подарки от губернатора области и от меня лично». Так под аплодисменты присутствующих на совещании, где в последний раз участвовал Николай Григорьевич, была поставлена точка на его должности генерального директора крупнейшего в области государственного унитарного предприятия «Трансмост».

* * *

Анатолий Николаевич Фролов сидел в своем кабинете, курил «Парламент» и скучал. Пятница. До конца рабочего дня осталось не больше часа. Можно было бы сорваться и пораньше. Обычно он щеголевато выходил на улицу и самовлюбленно садился в свой любимый джип «Паджеро», который ждал его на служебной стоянке. Комфортную езду он любил. По пятницам Анатолий Николаевич заезжал домой, забирал супругу Риту с сыном Славкой и все дружно катили на дачу. Красиво там хоть зимой, хоть летом.

Заместителем директора ЗАО «Главоблстройснаб» тридцатидевятилетний Анатолий Николаевич работал уже третий год. Всякое он перепробовал за время своей карьеры. После института поработал он в Управлении производственно-технической комплектации, потом, в перестроечные времена, попробовал свои силы в качестве кооператора. Занялся изготовлением арболитовых блоков. Все шло хорошо, но дефицит цемента подрывал бизнес. Досаждали рекетиры, пожарные и многочисленные проверяющие. Не очень это ему нравилось, хотя жить на широкую ногу он уже начал привыкать. Мучаясь от мыслей, каким бы другим

видом бизнеса заняться, он как-то встретил одного старого знакомого Виктора Ганина. Тот работал на базе «Главоблстройснаба» начальником отдела комплектации и иной раз поставлял ему по дешевке левый цемент и так еще кое-что по мелочи. Зашли в кафе посидеть. «Что-то давненько, Толян, не заглядываешь. Или не надо ничего?» – «Да вот, Витя, что-то достали меня все эти умники. Все голову ломаю, чем бы новым заняться?» Ганин, немного подумав, вдруг сказал: «Толян, координаты у тебя старые, нет? Давай визитку, может, и созреет мыслишка какая». На том тогда и расстались. Как оказалось, ненадолго. Недели через полторы около полуночи раздался звонок Ганина. «Толян, есть разговор, завтра подъезжай ко мне на работу прямо с утра». Анатолий хотел было задать какие-то вопросы, о чем хоть разговор-то будет, но Ганин, полным оптимизма голосом, весело пожелал спокойной ночи и повесил трубку.

Ночь была бессонной. Заинтриговал Ганин. Анатолий, привыкший к тому, что обещанного ждут три года, а то и более, был немало удивлен, он перебрал всякие варианты: что же за предложение нарисовалось у Ганина, чего это он там так быстро придумал? Уйдя к себе в комнату и, провертевшись в постели часов до пяти утра, он выключился. В семь зазвенел будильник. Анатолий, не выспавшийся и постоянно зевающий, начал собираться. К девяти часам его новенькая восьмерка остановилась у хорошо знакомых дверей.

Предложение Ганина было совершенно неожиданным. Виктор Борисович рассказал Анатолию, что, получив втихаря документы на эмиграцию, неожиданно уволился его заместитель. «Снова ходить на работу за эти копейки, вставать рано, жить по часам. Нет, Витя, это уже не мое ремесло. Привык к вольным хлебам, а тут снова в стойло». – «Не понимаешь ты еще ничего, – сказал Ганин. – Мне тут кафешка одна нравится, давай-ка в обед туда сгоняем и поговорим подробнее. Здесь, сам понимаешь, стены слышат, лампочки видят, парткомы и райкомы, всякие там, не дремлют».

Заказав хазани, начали разговор: «Анатолий, ты еще не осознаешь даже, на каких богатствах сидеть будешь, только мозги включи, так можно приподняться, что никаким кооператором тебе быть больше и не понадобится». Ганин долго рассказывал, какие материалы проходят через него и сколько чего он мог бы пустить налево каждый месяц. Сам понимаешь, ведь не выйдешь же на площадь с рекламной табличкой. «Толик, – обратился он доверительно, – у тебя есть ребята из кооператоров, кому можно было бы все это барахло надежно втюхивать?» Анатолий ответил утвердительно. Ребят таких он знал, и при таком дефиците, как сейчас, все это пошло бы на ура. Взял пару дней на размышление. Позвонил на другой же день. «Решил». – «Ну вот и славненько! Подъезжай к обеду с документами, пойдем к шефу».

На госпредприятия народ тогда уже не очень рвался работать, а тут пришел толковый специалист, даже с опытом руководства и со знанием дела в комплектации. Работы было много и у директора базы «Главоблстройснаба» не возникло никаких сомнений в кандидатуре Фролова.

В отделе новый зам быстро сориентировался в работе. Дело пошло. Ручеек левака тоже пошел. Поначалу было страшновато. Анатолий побаивался наезда милиции, однако Ганин его успокоил, сказав, что этот вопрос у него давно и надежно решен.

Жизнь была хороша. Напрягаться по работе, конечно, хоть и было нужно, однако жить по принципу «волка ноги кормят» уже не было никакой необходимости. Тут скорее все напоминало жизнь хитрого лиса, проникшего в курятник.

Через год после прихода Анатолия Николаевича Виктора Борисович Ганина назначили заместителем директора базы.

Однажды одному из заказчиков-кооператоров понадобились железобетонные трубы и пара трансформаторов для подстанций в садоводства. Ганин тогда неделю ломал голову вме-

сте с Фроловым. Умудрились инсценировать пожар и списать все это по причине порчи. Им это как с гуся вода. Сняли тогда директора базы.

Борьбы за должность директора Базы Главоблснаба не было. Назначили Ганина. Вопросы по кандидатуре заместителя директора тоже не возникло. Им стал буквально через неделю его друг и соратник Фролов.

Благосостояние друзей росло, как на дрожжах. Анатолий Николаевич пересел на почти новую «Тойоту», а недалеко за городом строилась его давняя мечта – роскошная дача.

Не знали друзья, что потихоньку подбиралась к ним милиция, но, к их счастью, в руководстве районного, да и городского милицейского управления давно повывелись принципиальные люди, и Ганин с Фроловым не только не пошли под суд, но и немало были удивлены, что менты так дешево оказались ими куплены. Дела продолжали делаться ударными темпами.

Как карточный домик рассыпалась Коммунистическая партия Советского Союза, затем распался и сам Союз. Бурно развернутая друзьями деятельность перестала считаться криминальной. Областная надстройка начальства, контролировавшего базу, тихо исчезла.

К началу приватизации друзья подготовились основательно. Все материальные запасы, имевшиеся на базе, как и основные фонды, были обесценены до смешного. Основным владельцем базы стал Ганин. Кое-что перепало и Фролову. Через полгода акции, оставшиеся у работников базы, благополучно перекочевали к друзьям, притом Ганину досталась опять же большая часть. Такое распределение собственности угнетало Анатолия Николаевича, но, тем не менее, в деньгах директор его не обижал. Фролов успешно решал большой круг вопросов и был просто незаменим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.